Опечатка в былине,
или
Смерть в белую ночь
Уютный детектив
БЫЛИНЫ
ФОЛЬКЛОР
СЕВЕРНЫЕ СКАЗИТЕЛИ
РУКОПИСИ
АРХИВЫ

Милана Панова

Опечатка в былине или Смерть в белую ночь

«Автор»
2026

Панова М.

Опечатка в былине или Смерть в белую ночь / М. Панова — «Автор», 2026

Белые ночи на северном острове в Онежском озере, фестиваль сказителей и главная звезда: семидесятидевятилетняя сказительница, которая поёт былины так, что слушатели плачут. Корректор Нина Платонова приехала вычитать программку и услышала в песне опечатку. Её невозможно сохранить в устной традиции, значит, былина записана не со слов предков, а прочитана в книге. Наутро фольклорист, обещавший рассказать правду, найден в воде у причала. Шторм отрезал остров от земли, а в белую ночь некому и негде спрятаться. Книга самостоятельная, читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Остров, где не темнеет 5
Глава 2. Лидия Ермолаевна 8
Глава 3. Программка 11
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Милана Панова
Опечатка в былине или Смерть в белую ночь

Глава 1. Остров, где не темнеет

Билеты пришли в издательство через три дня после майского вечера в библиотеке. Обычный белый конверт, без обратного адреса, с красивым штемпелем «Петрозаводск». Внутри лежали шесть железнодорожных билетов, приглашение на плотной бумаге и записка, написанная круглым почерком: «Нина Сергеевна, ждём вас на фестивале „Белые ночи на Лебяжьем“. Корректор нам очень нужен, потому что программка уже в типографии, а у меня плохие предчувствия. Л. Заводова».

— Предчувствия, — повторила я вслух.

Эклер, сидевший на подоконнике, приоткрыл один глаз. Он, кажется, уже давно знал, что мы поедем.

Меня зовут Нина Платонова, я корректор, заместитель директора издательства «Красная строка» в городе Тихоречье. Если вы читали про мои прежние дела, то знаете, что за последние два года я успела оказаться в усадьбе с мёртвым критиком, в поезде с поддельной рукописью и в библиотеке с исчезнувшей книгой. Если не читали, не страшно: эта история самостоятельная, и всё, что нужно знать, я расскажу по ходу.

— Нина Сергеевна, — сказала Маргарита Викторовна, входя в мою комнату с тремя чемоданами сразу (во всяком случае, так мне показалось из-за ряда сумок, свёртков и корзин, которые тянулись за ней по коридору). — Я решила, что мы едем все.

— Все?

— Вы, я, Андрей, Катя, Глеб и Абзац. Корм для Абзаца я уже собрала.

— А Эклер?

— Эклера вы возьмёте сами.

— А издательство?

— Агафья Тихоновна справится. Она, как вы знаете, умеет управлять и поварами, и бухгалтерами, и бульдогами. Один неделю посидит.

— Маргарита Викторовна, — сказала я. — Вы же сами говорили, что на острове нужен только корректор.

— Корректору нужны люди, — сказала она. — И охрана. И человек, который при первом подозрении умеет вызвать подкрепление.

— Вы думаете, что и тут что-нибудь случится?

— Я думаю, что за последние два года у нас не было ни одного спокойного выезда.

Она была права. Но возразить было нечего.

Выехали мы в середине июня, в пятницу вечером, на ночном поезде «Тихоречье — Петрозаводск». Вагон был плацкартный, шумный, весёлый, с запахом варёной картошки и чая в подстаканниках. Катя и Глеб заняли нижние полки у окна и всю ночь шептались, как два заговорщика. Андрей уснул на боковой, свесив руку, и во сне почему-то улыбался. Маргарита Викторовна читала при свете маленького ночника рукопись нового детектива, и время от времени поднимала голову и сердито говорила: «Нет, запятая здесь лишняя!» Абзац лежал под столом и тяжело сопел. Эклер сидел у меня на коленях и смотрел в окно, где, медленно, как огромные корабли, плыли леса, озёра, станции с синими табличками.

— Нина, — тихо сказал Глеб, когда я проходила мимо, возвращаясь из тамбура. — Вы читали про остров?

— Что именно?

— Лебяжий. Я почитал в интернете. Это очень маленький остров, километров пять в длину, в Онежском озере, недалеко от Кижей. На нём живёт сто двадцать человек, два музея, одна часовня, одна гостиница в виде терема и один магазин. И каждый год в июне там проходит фестиваль.

— Сказителей?

— Да. Ему лет двадцать пять. Приезжают исполнители былин, плакальщицы, гусляры, мастера по дереву. Это очень известный праздник в узких кругах.

— И главная звезда?

— Матрёна Евстафьевна Лукина. Ей семьдесят девять лет. Считается последней настоящей сказительницей Заонежья. Говорят, она знает наизусть сорок былин и поёт их так, что у слушателей мурашки по коже.

— Ты видел её запись?

— Видел. — Глеб помолчал. — Она потрясающая. Но…

— Но?

— Мне показалось, что в ней что-то не так.

— Что именно?

— Не знаю. — Он улыбнулся. — Я не фольклорист. Просто мне показалось, что она пела слишком гладко. Как будто выучила заранее.

— Выучила?

— Ну, понимаете… Настоящие сказители, по записям Штерна, да и по моим ощущениям, всегда немного импровизируют. Меняют слова, путаются, возвращаются. А она ни разу.

Я задумалась. Профессор Штерн, о котором мы с Глебом оба вспоминали с тихой грустью, любил говорить, что устный текст всегда живой, а письменный мёртвый. «Если вам слишком хорошо читают наизусть, значит, они читают с бумаги».

— Глеб, — сказала я. — Ты сказал это Кате?

— Нет.

— Скажи. Ей будет интересно.

Он покраснел.

— Я боюсь, что она засмеётся.

— Катя? Никогда.

На рассвете мы приехали в Петрозаводск. Перрон был холодный, сырой, пахнущий дымом и озёрной водой. Небо над городом стояло светлое, молочное, как будто ночи вообще не было. Андрей, выходя из вагона, щурился, как человек, который не может понять, утро это или вечер.

— Белые ночи, — сказала Катя. — Здесь они заканчиваются только к ноябрю.

— Нет, — поправила я. — В середине июня солнце почти не заходит. Оно просто немного касается горизонта и поднимается.

— Это красиво.

— Это утомительно, — сказал Андрей. — Я не смогу спать.

— Привыкнешь, — сказала я.

— Я не уверен.

На пристани нас уже ждал катер. Белый, с синей полосой, с надписью «Лебяжий» на борту, он покачивался на волнах, и на корме стоял высокий седой человек в клетчатой рубашке и резиновых сапогах, который сразу же замахал нам рукой.

— Нина Сергеевна Платонова? Добро пожаловать! — крикнул он. — Меня зовут Тихон Аристархович. Я здешний участковый. Лидия Ермолаевна просила вас встретить.

— Участковый? — переспросил Андрей.

— На острове один. — Он улыбнулся. — Работа спокойная. Особенно летом.

Андрей посмотрел на меня. Я посмотрела на него.

— Что? — сказала я.

— Ничего, — сказал он. — Я просто подумал, что слово «спокойная» мне не нравится.

Мы погрузились. Эклер, оказавшись на борту, сразу же взобрался на самую высокую скамейку и с достоинством встал, обозревая волны. Абзац лёг у ног Маргариты Викторовны и тяжело вздохнул. Катя достала фотоаппарат, Глеб достал блокнот, Андрей достал плед. Катер медленно отошёл от причала.

Онежское озеро открылось сразу, огромное, серое, бескрайнее, с низкими берегами и бесконечным небом. Вода сверкала, как рассыпанное серебро. Над ней, низко, как белые стрелки, летели чайки. Далеко-далеко, на горизонте, виднелась золотая точка, острый шпиль часовни на маленьком острове.

— Лебяжий, — сказал Тихон Аристархович.

Я смотрела на этот остров, и сердце у меня билось тихо и тревожно, как бывает в начале хорошей книги, когда ты ещё не знаешь, что в ней будет, но уже чувствуешь запах сюжета.

Глава 2. Лидия Ермолаевна

Остров Лебяжий оказался таким, каким бывают острова в сказках: маленьким, зелёным, окружённым тёмной водой и обнесённым лентой белых камней. Над причалом возвышалась деревянная часовня на восемь углов, без единого гвоздя, потемневшая от времени и ветра. За ней поднимались избы с резными наличниками, амбары на сваях, ветряная мельница с огромными крыльями. А в центре острова, на пригорке, красовался расписной терем с шатровой крышей и разноцветными ставнями, совсем как с обложки детской книжки.

— Гостиница, — сказал Тихон Аристархович. — «Белая ночь». Мы там все и размещаемся.

Встречать нас вышла высокая, энергичная женщина лет пятидесяти восьми, в длинном льняном платье с вышивкой, с рыжеватыми волосами, собранными в тугую косу, и с очень красивым, открытым, чуть наивным лицом. Она бежала по причалу, на ходу размахивая руками, и ещё издали крикнула:

— Нина Сергеевна! Это вы? Какое счастье!

Мы познакомились. Лидия Ермолаевна Заводова, директор фонда «Север» и организатор фестиваля, оказалась женщиной удивительной энергии. Она пожимала руки, обнимала Катю, целовала Маргариту Викторовну, гладила Абзаца и Эклера, говорила обо всём сразу: о погоде, о программе, о грантах, о детях, о гостях, и при этом ухитрялась ни разу не повторить одну и ту же фразу дважды.

— Вы не представляете, как я рада! — сказала она. — Я прочитала про вас в газете. Про Вольского, про поезд, про библиотеку. Я подумала: вот человек, который нужен моему фестивалю.

— Лидия Ермолаевна, — осторожно сказала я. — Что значит «нужен»? Вы писали про предчувствия.

— Ах, это. — Она слегка смутилась. — Глупости. Просто усталость. Двадцать лет организую этот праздник, и каждый год перед открытием у меня начинается паника. Боюсь, что что-нибудь пойдёт не так. Опечатка в программе, сломанный микрофон, тучи в день концерта. А тут ещё грант.

— Какой грант?

— Федеральный. Двенадцать миллионов рублей. Если нынешний фестиваль пройдёт без нарушений, мы получим деньги на ремонт часовни и издание сборника. Если нет, то остров лишится средств на следующий год.

— Двенадцать миллионов, — повторила Маргарита Викторовна.

— Да. Это для нас жизнь. — Лидия Ермолаевна вздохнула. — Идёмте, я покажу, где вы будете жить.

Нас разместили в тереме. Номера были маленькие, чистые, пахнущие сосной и свежим бельём, с большими окнами, выходящими на озеро. Мне достался угловой, с видом на причал и часовню. Эклер, едва я открыла дверь, вскочил на подоконник, поднялся на задние лапы и замер, будто смотрел спектакль.

— Нравится? — спросила я.

Он не ответил. Но хвост его медленно покачивался, как у человека, который удовлетворён увиденным.

Андрея и Глеба поселили через стенку, Катю рядом со мной, Маргариту Викторовну напротив. Ужин накрыли в большой общей горнице, где под потолком висели пучки сушёных трав, а на столах стояли глиняные миски, деревянные ложки и пироги с рыбой.

За ужином я наконец увидела всех, кто собрался на остров.

Во главе стола сидела Матрёна Евстафьевна Лукина. Маленькая, сухонькая, как птичка, в светлом платочке и вышитой кофте, с лицом, на котором каждая морщинка казалась вырезанной резцом. Глаза у неё были светло-серые, туманные, с прозрачным ободком, и она смотрела на людей так, будто видела не их, а что-то за ними. Рядом с ней, держа её под локоть, сидела высокая худая женщина лет тридцати четырёх, с тёмными волосами и усталым красивым лицом. Это была внучка, Дарья Лукина, менеджер и сопровождающая.

— Бабушка у нас устаёт быстро, — сказала Дарья тихо, когда нас представили. — Не обижайтесь, если она не будет много разговаривать.

— Что вы, — сказала я. — Мы просто рады видеть.

Матрёна Евстафьевна повернула голову и посмотрела на меня. Потом на кота, который сидел у меня на коленях.

— Кот, — сказала она негромко. — Рыжий. К счастью.

— Он у меня давно.

— Хороший. — Она протянула руку и погладила Эклера по спине. Он ответил тихим довольным мурлыканьем. — Я тоже их любила. В деревне всегда был кот. Баюном звали.

— У нас тут тоже один, — вмешалась Лидия Ермолаевна. — Наш Баюн. Огромный. Чёрный. Живёт при гостинице. Сейчас, наверное, спит на чердаке.

— Двое котов на острове, — сказала Катя. — Будет интересно.

За другим концом стола сидел высокий, сутулый, лысоватый человек лет шестидесяти шести, в мятой замшевой куртке и очках на цепочке. Он молча ел пирог, поглядывая на соседей быстрыми, внимательными глазами, и время от времени что-то записывал в маленький блокнот. Ипполит Захарович Бельский, профессор-фольклорист из Петрозаводска, главный консультант фестиваля.

— Он слушает, — шепнула мне Лидия Ермолаевна. — Всегда слушает. Записывает песни, былины, причитания. Сорок лет ездит по северным деревням. У него в архиве тысяча сто плёнок.

— Он знает Матрёну Евстафьевну?

— Конечно. Он её открыл. В восемьдесят третьем году записал впервые. Они почти как семья.

Бельский поднял голову, встретился со мной взглядом и коротко кивнул. Потом снова склонился над блокнотом. Мне показалось, что в глазах у него мелькнуло что-то тревожное, настороженное, как у человека, который знает что-то лишнее и не знает, с кем поделиться.

Напротив нас сидел мужчина лет пятидесяти, широкоплечий, рыжебородый, в вышитой рубахе и грубых сапогах. Он ел громко, с аппетитом, запивая квасом, и всё время что-то бормотал себе под нос.

— Яков Рыбин, — шепнула Лидия Ермолаевна. — Хранитель музея. Племянник нашего знаменитого поэта, Фёдора Рыбина. Тот при жизни писал стихи про Заонежье, а теперь его дом музей. Яков присматривает.

— Рыбин, — повторила я. — Я где-то читала это имя.

— Конечно. «Заонежские напевы». Они выходили в семьдесят четвёртом.

Что-то мелькнуло в голове, как далёкий огонёк, но я не успела ухватить.

После ужина Лидия Ермолаевна повела нас осматривать территорию. На улице было светло, как днём. Только свет был другой: золотой, мягкий, низкий, как будто кто-то повернул ручку солнца на одно деление назад. Было около десяти вечера, а тени от домов ложились длинные, бледно-синие, и в этих тенях тихо плескалась вода.

— Вот здесь будет концерт, — показала Лидия Ермолаевна. — На причале. В полночь, на закате.

— Но солнце же не садится, — сказала Катя.

— Оно касается воды. Это самый красивый момент. Мы называем его «золотым часом». Матрёна Евстафьевна поёт былину о Вольге Святославовиче, а позади неё в озере горит солнце.

— Звучит как мечта, — сказал Глеб.

— Это и есть мечта. Мы двадцать лет её воплощаем.

Я стояла на краю причала и смотрела на воду. Озеро, ровное и гладкое, как лист бумаги, отражало небо, и казалось, что я стою не на земле, а на самом краю страницы. Эклер, сидевший у моих ног, тихо мяукнул. Потом приподнялся, положил лапы мне на колено и посмотрел вдаль.

Там, на другом конце острова, у самой кромки воды, виднелась тонкая тёмная фигура. Мужчина в замшевой куртке стоял неподвижно и смотрел на озеро. Бельский. Он не заметил нас. Он, кажется, вообще ничего не замечал. Он стоял и шевелил губами, как будто разговаривал сам с собой.

— Нина, — тихо сказал Андрей, подходя сзади. — Ты о чём думаешь?

— О том, что мне здесь тревожно.

— Мне тоже.

— Почему?

— Потому что здесь слишком красиво.

Я засмеялась.

— Это не причина.

— Для полицейского причина. Слишком красиво — значит, кто-то что-то скрывает.

Он говорил полушутя, но глаза у него были серьёзные. Мы постояли молча, глядя на золотую воду. Где-то очень далеко, на другом берегу, плакала чайка. И в этом плаче было что-то такое, от чего у меня вдруг мурашки пошли по рукам.

Глава 3. Программка

Утром Лидия Ермолаевна принесла мне стопку листов.

— Вот, — сказала она. — Печатный оттиск программки. Типография на острове маленькая, всё делает один человек, и он не вычитывает. Мне нужно, чтобы вы посмотрели до обеда. Тираж тысяча экземпляров, и если там ошибка…

— Исправим на плёнке.

— Если вы найдёте до обеда, то исправим. Потом уже поздно.

— Хорошо.

Она положила стопку на стол, улыбнулась, коснулась моего плеча и ушла, оставив после себя запах лаванды и какой-то тихой тревоги. Я села к окну. Эклер расположился рядом, свернувшись на подоконнике. За стеклом блестело озеро, совершенно спокойное, и по нему медленно, как игрушечная, ползла рыбацкая лодка.

Программка была красивая. Голубая обложка с серебряным лебедем, на титульном листе надпись: «XXV фестиваль сказителей „Белые ночи на Лебяжьем“. Программа. Заонежье, 2027». Дальше шли пятьдесят страниц: расписание концертов, мастер-классов, выставок, список участников, краткая история фестиваля, два стихотворения, вступительное слово директора. Я читала внимательно, строка за строкой, с красным карандашом в руке.

Первые двадцать страниц дались легко. Мелкие ошибки: «Преображеская» вместо «Преображенская», пропущенная запятая в списке гостей, лишний пробел перед тире. Я исправляла. На двадцать первой странице я наткнулась на раздел «Вечер былин. Матрёна Евстафьевна Лукина».

«Вольга Святославович и озеро Лебяжье. Былина в записи профессора И. З. Бельского, 1983 г. Исполняет М. Е. Лукина».

Ниже шёл текст. Сорок строк. Аккуратно набранный, с подзаголовками и примечаниями. Я начала читать вслух, шёпотом, как всегда:

«Как во славном городе во Киеве,
Как у ласкова князя у Владимира
Было пированье, почестной пир…»

Я читала дальше. Строки текли плавно, без запинки, как вода. Это была красивая, гладкая, почти идеальная былина. Слишком идеальная.

«…Закручинился тут Вольга Святославович,
Поехал он по тёмным лисам, по дремучим…»

Я остановилась.

— Лисам, — тихо сказала я.

Эклер поднял голову.

— «По тёмным лисам». Не «лесам». Лисам.

Это была опечатка. Не в моей программке, а где-то глубже, в чём-то давнем, знакомом. Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. Софья Борисовна, моя первая начальница, корректор старой школы, часто рассказывала нам на занятиях про знаменитые опечатки. «Вот, девочки, — говорила она, — самая красивая в русской печати. В сборнике „Заонежские напевы“ тысяча девятьсот семьдесят четвёртого года, на странице тридцать седьмой. Вместо „по тёмным лесам“ напечатано „по тёмным лисам“. Этот сборник вышел тиражом пять тысяч, и в двух тысячах экземпляров ошибку так и не исправили. Она стала легендой».

Я открыла глаза.

«Заонежские напевы». Семьдесят четвёртый год. Автор: Фёдор Рыбин. Племянник которого сидит за соседним столом и ест пироги.

Я перечитала былину. Каждую строчку. Потом достала телефон, нашла в заметках старую фотографию из записной книжки: одна страница, которую я когда-то сфотографировала на лекции. Там стояло: «Рыбин Ф. Заонежские напевы. Петрозаводск, 1974. С. 37. „По тёмным лисам“ (опечатка вместо „лесам“)».

Ошибка совпадала.

— Господи, — прошептала я.

— Что? — спросила Катя, заглянувшая в дверь.

— Катя, закрой.

Она вошла, закрыла дверь, села рядом.

— Нина, что случилось?

— Скажи, — тихо спросила я. — Если сказительница поёт былину, которую она выучила на слух от матери, и в этой былине вдруг оказывается опечатка из книги, как это могло получиться?

— Какая опечатка?

— «Лисам» вместо «лесам».

— Но в устной речи опечатки не бывает.

— Именно.

— Тогда она учила не на слух.

— Да.

— Значит, она прочла книгу.

— Или ей прочли.

— И выдаёт за свою?

— Возможно. — Я перелистнула страницу. — Или не знает, что это не её.

Катя помолчала.

— Нина, — сказала она тихо. — Но в программке написано «в записи профессора Бельского, 1983 год». Значит, он записал именно эту былину. И, наверное, у него есть плёнка.

— Конечно, есть.

— И там нет «лисам».

— Если он записал честно, то нет.

— Тогда как слова попали в программку?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.